

И.В. Помяловский

Осские надписи

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.В. Помяловский**
Оские надписи / И.В. Помяловский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 106 с.

ISBN 978-5-458-01033-7

ISBN 978-5-458-01033-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОСКІЯ НАДПИСИ.

И. Цвѣтаевъ. Сборникъ осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологии и глоссаріемъ. Кіевъ, 1877 г.

Sylloge inscriptionum oscarum ad archetyporum et librorum fidem edidit Johannes Zvetasieff. Pars prior textum interpretationem glossarium continens. Petropoli, MDCCCLXXVIII. Pars posterior tabulas continens. Lipsiae. MDCCCLXXXVIII.

Оба сочиненія, заглавія которыхъ выставлены выше, представляютъ результатъ заграничной поѣздки автора, состоящаго нынѣ профессоромъ римской словесности въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Предметъ, изслѣдованію котораго они посвящены, составляетъ существенную сторону занятій ученаго, посвящающаго свои силы изученію формальной стороны латинской рѣчи, особенно въ ея историческомъ развитіи. Дѣйствительно, работы въ области древнѣйшаго періода латинскаго языка немислимы безъ изученія италійскихъ діалектовъ, и преимущественно оскаго и умбрскаго, въ которыхъ мы находимъ весьма много явленій, близко сходныхъ съ явленіями архангской латыни, объясняемыхъ этими послѣдними и въ свою очередь ихъ объясняющихъ. Неразрывность изученія италійскихъ діалектовъ съ изученіемъ древнѣйшаго латинскаго языка подтверждается, кромѣ теоріи, и практикой: ученые, сдѣлавшіе въ послѣднее время значительнѣйшіе успѣхи въ методической разработкѣ италійской діалектологии — Корссенъ и Бюхелеръ — оказали, особенно первый въ своемъ гигантскомъ трудѣ: „Ueber die Aussprache, Vokalismus und Betonung der lateinischen Sprache“, большія услуги изученію древнѣйшаго періода латинской рѣчи. И г. Цвѣтаевъ приступилъ къ

часть ссч, отд. 2.

своимъ скимъ студіямъ послѣ предварительнаго занятія формами древнѣйшаго латинскаго языка, результатомъ котораго была его почтенная статья: Къ вопросу постепенности развитія надежныхъ формъ въ латинскомъ языкѣ, помѣщенная въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1875 года. Статья эта, составленная на основаніи новыхъ трудовъ по исторіи латинскаго языка, преимущественно же на основаніи извѣстнаго изслѣдованія проф. Вухелера: „Grundriss der lateinischen Declination“, показываешь въ авторѣ ученаго, близко знакомаго съ предметомъ, осторожнаго и выработавшаго извѣстный, опредѣленный методъ изслѣдованія.

Встрѣтившись во время своего путешествія по Италіи лицомъ къ лицу съ остатками древне-италійскаго міра, г. Цвѣтаевъ обратилъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые болѣе другихъ были ему знакомы по предварительнымъ занятіямъ, на надписи, разсматривая ихъ сколько по содержанію, столько же и по языку. Въ послѣднемъ отношеніи для него особенно любопытны были древнѣйшіе эпиграфическіе памятники латинской рѣчи и надписи италійскихъ діалектовъ. Еще и прежде, какъ заявляетъ г. Цвѣтаевъ въ предисловіи къ русскому сочиненію, стр. III,—изъ теоретическаго знакомства съ ученою литературою оскскаго языка онъ вынесъ убѣжденіе въ томъ, что необходима точная провѣрка по оригиналамъ тѣхъ снимковъ съ оскихъ надписей, надъ которыми трудились многочисленныя филологи, по преимуществу нѣмецкіе. Исполнить эту провѣрку удалось автору во время путешествія по Италіи и Сициліи въ 1875 году. Тамъ онъ ознакомился, по возможности, со всѣми памятниками оскскаго діалекта, сдѣлавъ съ нихъ тщательно исполненныя снимки, которые показали, что нѣкоторые памятники въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ издавались не вполне точно, а, слѣдовательно, и дѣлавшіеся изъ нихъ выводы не были безусловно вѣрными. Частные результаты своихъ занятій оскими памятниками сообщалъ г. Цвѣтаевъ въ различныхъ италіанскихъ ученыхъ изданіяхъ: „Giornale degli scavi di Pompei, Bulletino dell' Istituto di corrispondenza archeologica и др. По окончаніи собранія и провѣрки оскихъ памятниковъ, находившихся въ Италіи, сводя свои работы въ одно, г. Цвѣтаевъ пришелъ къ слѣдующему выводу: „Разночтенія въ надписяхъ, добытыя личнымъ изслѣдованіемъ оригиналовъ, равно какъ и открытіе нѣсколькихъ новыхъ, не замѣченныхъ или не сполна читанныхъ другими, подали поводъ къ мысли приготовить полное изданіе оскихъ надписей“. Такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ увезены изъ Италіи и находятся въ музеяхъ Ан-

гліи, Франціи, Германіи, Россіи, то г. Цвѣтаевъ обратился къ компетентнымъ ученымъ съ просьбою сообщить ему самыя точныя снимки съ хранящихся въ ино-италианскихъ музеяхъ оскихъ памятниковъ. Благодаря участию этихъ ученыхъ, онъ могъ сдѣлать свое собраніе по возможности полнымъ.

Чтобъ оцѣнить значеніе трудовъ г. Цвѣтаева въ изученіи оскаго нарѣчія и его памятниковъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ изученіи на западѣ, преимущественно въ Италіи и Германіи.

I.

До половины прошлаго столѣтія оскихъ надписей было извѣстно весьма немного, и потому онѣ не возбуждали особеннаго вниманія ученыхъ, которые, хотя ихъ и издавали, но рѣдко пытались угадать и объяснить ихъ смыслъ и значеніе. Такъ, De Vit, издавшій въ 1754 г. древніе памятники Беневента (*Thesaurus Antiquitatum Beneventanarum, Romae*) и помѣстившій въ I т. на стр. LXI Append. надпись, найденную въ *Maschie*, не могъ даже отгадать настоящаго положенія буквъ (онъ помѣстилъ надпись верхъ ногами) и указать, къ какому діалекту долженъ быть отнесенъ изданный имъ памятникъ; онъ говорилъ лишь вообще: *aliquid certe haec tabula Samnitici spirat redivivasque maiorum nostrorum litteras ostentat*. Если же нѣкоторые и пытались читать и объяснять оскіе памятники, то дѣлали это совершенно не методически и, естественно, приходили къ страннымъ результатамъ. Такъ, извѣстный и пользующійся уваженіемъ и доселѣ A. S. Mazocchi въ своей диссертациі: *Sopra l'origine de' Tirreni (Saggi di dissertazioni accademiche pubblicamente lette nella nobile accademia Etrusca dell' antichissima citta di Cortona. T. III, 1741)*; полной драгоцѣннѣйшихъ данныхъ для археолога, толковалъ на стр. 41 слѣдующимъ образомъ надпись, изданную у г. Цвѣтаева подъ № 41 (лат. и 38 русск.) *die tertia Merkedonii Caruae sacra*, считая ее за отрывокъ календаря. Если же время отъ времени ученые и наталкивались на вѣрное объясненіе, то оно являлось у нихъ результатомъ случайности, а никакъ не методическаго розысканія—такимъ путемъ можно объяснить, что первый издатель извѣстнаго *cirrus Abellanus, Remondini* угадалъ значеніе діакритическаго знака въ *u* и *i* (*o* и *ei*). Но современникъ и пріятель того же *Remondini Passeri*, извѣстный своими изслѣдованіями въ области этрускаго языка, издававшій эту надпись съ комментариемъ, не затруднился толковать ее какъ документъ тѣжбы

о границахъ между жителями Ноли и Абеллы; по интерпретаціи Пассери, на спорную мѣстность былъ отправленъ нѣкто Tarpinus, Ноланскій сенаторъ, военный трибунъ 1-го легіона, который, при содѣйствіи землемѣра и по справкѣ въ документахъ, рѣшилъ споръ, каковое рѣшеніе было во всеуслышаніе объявлено прекономъ.

Первую методическую попытку толкованія памятниковъ оскго нарѣчія сдѣлалъ Абатъ Лунджи Ланци († 1810), единогласно признаваемый ученымъ, положившимъ первое начало наукообразному изученію италійскихъ діалектовъ. (См. его біографію, написанную G. B. Zannoni и помѣщенную въ Saggi, ed. Flor., 1824. T. I). Капитальный трудъ Ланци подъ заглавіемъ: Saggi di lingua Etrusca e di altre antiche d'Italia per servire alla storia de' popoli delle lingue e delle belle arti (вышелъ впервые въ 1789 г. Мы пользуемся его перепечаткой во Флоренціи 1824 г. 3 voll. 8°), хотя и имѣетъ непосредственное отношеніе къ этрусскому языку, включаетъ, однако, не мало данныхъ и относительно другихъ италійскихъ нарѣчій. Эрудиція, съ которой приступилъ къ своему труду Ланци, по истинѣ изумительна: не говоря о начитанности въ древнихъ текстахъ, свѣдѣнія Ланци въ памятникахъ вещественныхъ можно назвать безусловно полными: не было ни одного исписаннаго камня, ни одного предмета искусства, ни одной сколько-нибудь замѣчательной монеты, которая не выдалъ бы и которыми не воспользовался бы Ланци; съ памятниковъ же ему недоступныхъ онъ имѣлъ копіи, доставленныя ему Гори, Пассери и другими знаменитостями того времени. Рядомъ съ эрудиціей въ трудѣ Ланци замѣчается рѣдкое остроуміе, соединенное съ осторожностью, даръ острой комбинаціи вмѣстѣ съ трезвостью мысли, которая не позволяетъ себѣ увлекаться тамъ, гдѣ нѣтъ твердой почвы, воздерживается отъ обманчивыхъ, хотя и увлекательныхъ сопоставленій и рѣзко отдѣляетъ возможное и вѣроятное отъ истиннаго и положительно доказаннаго. Однимъ изъ самыхъ важныхъ выводовъ Ланци было распредѣленіе италійскихъ нарѣчій на отдѣльныя группы. До него, кромѣ латинскаго, отличались группы этруская и пеласгическая—подъ которую подводились, безъ всякаго разграниченія, и памятники умбрскіе и оскіе и даже древне-латинскіе. Ланци первый отмѣтилъ классы, а слѣдовательно, и діалекты надписей: умбрскіхъ, оскскихъ, вольскихъ, марсійскимъ, мессапскихъ, евганейскихъ, пиценскихъ и др. Правда, онъ не совсѣмъ точно опредѣлилъ взаимное отношеніе этихъ діалектовъ, и въ особенности ихъ отношеніе къ языку этрусскому, но тутъ вина не Ланци, а его времени, не знав-

шаго еще о методѣ сравнительнаго языковѣдѣнія. Другою важною заслугою Ланци было выдѣленіе памятниковъ древнѣйшей латинской рѣчи и указаніе той роли, которую они должны играть при объясненіи неизвѣстныхъ италійскихъ діалектовъ. Этимъ Ланци далъ твердую почву для ихъ дальнѣйшаго методическаго изученія, почву, которая и доселѣ признается единственно прочною. Затѣмъ Ланци первый сдѣлалъ попытку палеографическаго изслѣдованія италійскихъ письменъ въ сравненіи съ древнѣйшими греческими, намѣтилъ немало вопросовъ фонетики и морфологіи, угадалъ истинное значеніе многихъ италійскихъ словъ и выраженій. Изученіе его труда не лишено извѣстнаго интереса и въ настоящее время. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на ряду съ отмѣченными достоинствами, въ трудѣ Ланци немало и недостатковъ. Иные изъ нихъ происходятъ отъ невѣрнаго чтенія текстовъ, иные отъ неудачныхъ сопоставленій и невѣрныхъ аналогій, иные отъ недостатка матеріала. Самымъ существеннымъ недостаткомъ является отсутствіе методическаго изслѣдованія языка, основаннаго на сравнительномъ языкоученіи. Какъ видно съ перваго взгляда, этотъ недостатокъ присущъ болѣе времени, въ которое работалъ Ланци, чѣмъ ему самому.

Трудъ Ланци и метода, имъ указанная, оказали огромное вліяніе на послѣдующее поколѣніе италіанскихъ археологовъ; нѣкоторые вѣрили въ Ланци безусловно даже въ очень недавнее время. Такое отношеніе объясняется отчасти незнакомствомъ съ трудами нѣмецкихъ ученыхъ, поставившихъ изученіе оскаго діалекта на строго научную почву, отчасти тѣмъ, что названные археологи, не посвящая своихъ силъ исключительно занятію италійскими діалектами, въ большинствѣ случаевъ являлись издателями вновь находимыхъ оскихъ памятниковъ, считавшими своею обязанностью и объяснять издаваемое. Между упомянутыми археологами слѣдуетъ отмѣтить: Гварини (Raimundo Guarini), Авеллино и Минервини. Нѣсколько словъ о ихъ дѣятельности будутъ не лишними. Первый, начавшій свои ученныя работы въ начальныхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, отличался необычайною производительностью; въ указателѣ, предпосланномъ Моммзеномъ его 3 изданію надписей Неаполитанскаго королевства, исчислено до 55 сочиненій Гварини, археологическаго и преимущественно эпиграфическаго содержанія, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ, на примѣръ, *Ricerche sullo antica citta di Eclano*, довольно значительнаго объема. Ученныя заслуги Гварини Моммзенъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Онъ принесъ пользу двумя вещами: полнымъ собраніемъ

надписей своей родины *Aesclapm*, и тѣмъ, что издавалъ тотчасъ же тѣ памятники, которые открывались въ различныхъ мѣстахъ Неаполитанскаго королевства и о которыхъ ему сообщали его многочисленные знакомые. Но издавалъ онъ чрезвычайно неумѣло и небрежно, при чемъ эти недостатки увеличивались у него съ годами, и обуславливались совершеннымъ отсутствіемъ критики и сужденія⁴. Издавая надписи, Гварини сопровождалъ ихъ болѣе или менѣе обширными и большею частью никуда негодными объясненіями. Заимствуя свою доктрину не изъ первоисточниковъ, а изъ вторыхъ рукъ, онъ нерѣдко къ ошибкамъ своихъ предшественниковъ присоединялъ свои собственные, происходившія часто изъ ихъ непониманія. Естественно, что въ изданіи и объясненіи оскихъ памятниковъ Гварини не могъ претендовать на самостоятельное и научное ихъ изслѣдованіе; но съ этимъ еще можно было бы примириться, еслибы сообщаемые Гварини тексты были издаваемы съ надлежащею точностью и умѣньемъ. Къ сожалѣнію, и этого нельзя сказать про него, такъ какъ онъ, получая хорошіе снимки, не умѣлъ ихъ издать надлежащимъ образомъ; надпись № 28: *km. b(a)bbiis km.*, сообщенная Гварини его пріятелемъ Cassitto въ этомъ же видѣ, передана первымъ (*Commentatio XI in Osca epigrammata nonnulla. Neap. 1830, p. 38*) такъ: *KAN. VN. VN. V. VIIZ. KAN.* А вотъ и образчикъ переводовъ Гварини съ оскаго, дающій понятіе объ его свѣдѣніяхъ въ оскомъ языкѣ: надпись № 63 (русс. 59) переводитъ Гварини слѣдующимъ образомъ (*Comm. XI, p. 18*): *C. Adiraius C. f. aedem quampiam Cereri Pompeianae testamento fieri iussit inde exstruxit C. Vinicius d. v. i. d. (=II vir iure dicundo) quaestor Pompeianus tert. dentque decurionum decreto ipsamet dedit eidemque probavit.* Тѣмъ не менѣе, благодаря отмѣченному выше обстоятельству, что въ трудахъ Гварини ученые впервые познакомились со многими важными памятниками, имя его долго приводилось и иногда приводится и теперь въ ученыхъ изслѣдованіяхъ; нѣкоторыя изъ его монографій выдержали даже нѣсколько изданій. Иное значеніе имѣетъ въ наукѣ ученый, имя котораго мы упомянули вслѣдъ за именемъ Гварини—Франческо Марія Авеллино († 1850). Многочисленныя его монографіи (отчасти собранныя въ трехъ томахъ его *Opuscoli Napoli 1826—1836*) касаются археологій въ обширномъ значеніи этого слова; въ нихъ Авеллино рассуждаетъ и о пумизматикѣхъ, и объ эпитафійкѣхъ, и о древнемъ искусствѣ, вездѣ опираясь на точное и близкое знакомство съ древними памятниками и литературою, руководясь тонкимъ чутьемъ и осторожно приходя

къ выводамъ. Работы его по древне-италійской нумизматикѣ долгое время считались единственными въ этой области, и только въ недавнее время Карелли нѣсколько отодвинулъ ихъ на второй планъ. Весьма важны и труды Авеллино по археологій искусства. Обладая энциклопедическою ученостью, онъ въ 1842 году основалъ журналъ: *Bullettino archeologico Napoletano*, продолжавшійся до 1848. Этотъ ежегодникъ представляетъ драгоцѣнный репертуаръ свѣдѣній относительно разнообразныхъ предметовъ древности, находящихся преимущественно въ Неаполѣ; главнымъ участникомъ въ журналѣ былъ самъ его издатель. Всѣ объясненія, которыми онъ сопровождаетъ издаваемые имъ памятники, заслуживаютъ и до сихъ поръ вниманія, по обилію матеріала, въ нихъ заключающагося, и по осторожности выводовъ. Хотя Авеллино и не занимался спеціально оскимъ діалектомъ, тѣмъ не менѣе труды его и въ этой области не мало важны. Ему принадлежитъ честь сравнительно весьма точнаго и тщательнаго изданія нѣсколькихъ оскихъ надписей, которыя сопровождаются всегда остроумнымъ и нерѣдко вѣрнымъ толкованіемъ. Хотя при этомъ Авеллино не шелъ путемъ строгой методики (онъ стоялъ на пути, проложенномъ Ланци), тѣмъ не менѣе, благодаря своему чутью, рѣдко впадалъ въ особенно рѣзкіе промахи; тамъ же, гдѣ дѣло касалось объясненія реальнаго, какъ, на примѣръ, въ монографіи: *Conghetture sopra una iscrizione sannitica lette all' Accademia Ercolanese Napoli 1841. 4°*, онъ представлялъ соображенія и выводы, не лишеныя значенія и доселѣ.

Дѣятельность третьяго изъ вышеназванныхъ ученыхъ, Минервини, относится, правда, уже къ тому періоду, когда, послѣ появленія труда Моммзена: *Oskische Studien*, изученію оскаго языка было дано чисто научное направленіе. Мы присоединили Минервини къ разсмотрѣнной группѣ потому, что его ученая дѣятельность во многомъ напоминаетъ дѣятельность Авеллино. Подобно этому послѣднему, Минервини также занимался археологіей въ обширномъ значеніи этого слова и посвятилъ нѣсколько спеціальныхъ трудовъ нумизматикѣ, эпиграфикѣ, археологій искусства. Онъ же въ 1852 г. сталъ продолжать остановившійся въ 1848 г. *Bullettino archeologico Napoletano*; „новая серія“ этого журнала, продолжавшаяся восемь лѣтъ, включаетъ въ себѣ массу матеріала, въ высшей степени цѣннаго для археолога-классика. Въ сравненіи съ изданіемъ Авеллино, *Bullettino* Минервини оказывается уступающимъ по отношенію къ точности сообщеній и передачъ издаваемыхъ памятниковъ, не говоря уже о томъ, что изслѣдованія Ми-

нервини не отличаются тою глубиною доктрины и тѣмъ остроуміемъ, которыя присущи всѣмъ работамъ его предшественника. Въ приложеніи къ оскому діалекту, дѣятельность Минервини ограничилась изданіемъ вновь найденныхъ надписей, сопровождаемыхъ посильными объясненіями, изъ которыхъ, помимо немногихъ удачныхъ догадокъ, особенно важны тѣ, которые имѣютъ отношеніе къ описанію памятника и обстановки, въ коей онъ былъ найденъ. Кромѣ того, дѣятельность Минервини важна еще и въ томъ отношеніи, что черезъ нее единственно, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, знакомялась съ многими оскими памятниками нѣмецкая наука.

Въ 1845 г., отдѣльнымъ оттискомъ изъ XIII тома основаннаго знаменитымъ Савиньи журнала *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*, появилась книга Моммзена: *Oskische Studien*, положившая начало методическому изслѣдованію оскаго діалекта. Свои работы по италійской діалектологіи Моммзень продолжалъ и впослѣдствіи, большею частью въ различныхъ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ (*Annali* и *Bullettino del Istituto di corrispondenza archeologica* въ Римѣ, *Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zurich* и др.), и въ 1850 г. собралъ ихъ въ монументальное сочиненіе: *die unteritalische Dialekte*, служащее и теперь краеугольнымъ камнемъ въ изученіи италійскихъ діалектовъ. Не намъ вдаваться въ оцѣнку этого труда, для которой надобно обладать и доктриной и остроуміемъ Моммзена: мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя его особенности, оказавшія огромныя услуги дальнѣйшимъ изслѣдователямъ, которые всѣ до единаго въ своихъ штудіяхъ выходили и выходятъ изъ книги великаго учителя. То, что Моммзень нашелъ въ работахъ своихъ италіанскихъ предшественниковъ, было указано выше; нѣсколько болѣе сдѣлали до него нѣмецкіе ученые, и ровно ничего—французскіе. Изъ нѣмецкихъ предшественниковъ Моммзена слѣдуетъ отмѣтить: Кленце, К. О. Миллера, Гротефенда, Лепсиуса.—Ученныя заслуги Кленце, какъ романиста, общезвѣстны: его *fragmenta legis Serviliae repetundarum* (Berlin. 1825) представляютъ блестящій памятникъ его учености и дарованій, поучительный и нынѣ, не смотря на то, что изслѣдованія позднѣйшихъ ученыхъ во многомъ исправили и опровергли взгляды и выводы автора. Точно также навидѣтельно и его, къ сожалѣнію, не оконченное изслѣдованіе: *das oskische Gesetz auf der Bantianischen Tafel*. (C. A. C. Klenze: *Philologische Abhandlungen* herausgeg. v. K. Lachmann. Berlin. 1839 p. 25—55). Въ немъ Кленце гениальнымъ чутьемъ, которымъ руководило вѣрное

сопоставленіе латинскихъ юридическихъ формулъ съ неизвѣстными осскими, угадалъ значеніе этихъ послѣднихъ, указалъ на нѣкоторыя грамматическія формы и смыслъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ (такъ онъ фразу: *pr. suae praefucus pod post exae bansae fust* вѣрно перевелъ: *praetor sive praefectus posthac Bontiae fuerit* (см. Bücheler: *Oskische Bleitafel*. 1878, p. 55); въ пониманіи *pon censtur bansae tovtam cenžaset, pis cevs bantins fust — quum censor Bantiae hanc censuerit qui civis Bantinus fuerit*, весьма немного удалился отъ истины). Еще болѣе значительны заслуги Кленце въ реальномъ объясненіи текста, при которомъ онъ выходилъ изъ основаній, положенныхъ Нибуромъ, и хотя послѣдующія изслѣдованія, въ особенности Кирхгофа и Ланге, во многомъ видоизмѣнили толкованія Кленце и даже привели къ иному взгляду на основное значеніе закона, изложеннаго на памятникѣ, тѣмъ не менѣе объясненіе Кленце должно считать положившимъ основаніе какъ правильному пониманію бантинской надписи въ частности, такъ и различныхъ сторонъ политическаго и бытоваго устройства Бантинцевъ вообще.—Одновременно съ Кленце на оскій языкъ обратилъ вниманіе К. О. Миллеръ, въ своей извѣстной книгѣ: *Die Etrusker* (1-е изд. Breslau, 1828; 2-е, совершенно переработанное изданіе, подъ редакціей W. Deecke: Stuttgart 1877—1878, 2 voll. 8°). Основываясь отчасти на мнѣніи Нибура, Миллеръ полагаетъ, что Оски и Латинцы были нѣкогда однимъ народомъ, и что латинскій языкъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названъ діалектомъ оскаго. Выводы изъ этого положенія дальнѣйшія слѣдствія, Миллеръ опиравшись на разсмотрѣніи алфавита Осковъ (при чемъ онъ невѣрно опредѣлялъ знаки для *d* и для *r*), ихъ фонетки, грамматическихъ формъ и значеніе нѣкоторыхъ словъ и фразъ (такъ, строку 17 sqq. бантинской надписи: *svae pis contrud exeic fefacust ionc svae pis herest meddis moltaum licitud ampert mistreis aeteis eituas licitud* онъ переводитъ: *si quis contra... fecerit hunc si quis volet (?) Meddik multare liceto*)... Перевода же или объясненія какогонибудь цѣльнаго оскаго памятника представить Миллеръ не пытался.—Названный трудъ Миллера вызвалъ въ запитію италійскими діалектами знаменитаго изслѣдователя клипообразныхъ письменъ Г. Ф. Гротефенда. Въ своихъ: *Rudimenta linguae umbricae*. Napov. 1835 онъ подвергъ изслѣдованію остатки умбрскаго, а въ *rudimenta linguae oscae ex inscriptionibus antiquis enodata* 1839—1840, остатки оскаго говора. Остановившаяся на послѣдней книгѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ ней мы имѣемъ замѣчательное явленіе не столько по исполненію, сколько по

начинанію. Пріемы лингвистическихъ изслѣдованій Гротефенда ошибочны въ корнѣ—хотя и тутъ, благодаря своей гениальности, Гротефендъ угадалъ не мало истиннаго—вслѣдствіе чего онъ приходитъ къ страннымъ толкованіямъ (такъ, над. № 160, русск. № 153, онъ переводитъ: *stenius calinius statii (filius) hic marae pomram dicavit simul sivit qua medik ufens sanxit totum mamertinum (nomen) agere hic chogum*), совершенно не методически опредѣляетъ значеніе грамматическихъ формъ и т. п. Но рядомъ съ этимъ Гротефендъ оказалъ своей книгой услугу наукѣ въ томъ отношеніи, что онъ первый пришелъ къ мысли собрать всѣ извѣстные оскіе памятники въ отдѣльный сборникъ, подвергнуть каждый изъ нихъ въ цѣлости особому изслѣдованію и толкованію и уяснить темныя ихъ стороны чрезъ сопоставленіе. Особенное вниманіе обратилъ Гротефендъ на оскій алфавитъ, въ которомъ вѣрно угадалъ значеніе нѣкоторыхъ знаковъ. Въ 1841 году появляется замѣчательный трудъ К. Р. Лепсіуса: *Inscriptiones umbricae et oscae quotquot adhuc repertae sunt omnes. Lipsiae, 8°, съ атласомъ in fol.*, по идеѣ совершенно схожій съ трудомъ Гротефенда, но имѣвшій гораздо болѣе значенія въ наукѣ. Лепсіусъ выходилъ изъ совершенно вѣрной мысли (вызванной между прочимъ и книгою г. Цвѣтаева) о томъ, что научное изслѣдованіе памятниковъ италійскихъ нарѣчій можетъ быть ведено съ успѣхомъ только тогда, когда самые памятники будутъ изданы безукоризненно точно. Многие, между прочимъ и Гротефендъ, избѣгли бы значительнаго числа ошибокъ, еслибы имѣли подъ руками вѣрные снимки (до чего иногда доходила ихъ неточность, прекрасно указано на примѣрахъ самимъ Лепсіусомъ: *praef.*, р. VIII, IX). Лепсіусъ воспользовался своимъ двухлѣтнимъ пребываніемъ въ Италіи для того, чтобы лично ознакомиться съ италійскими памятниками и снять съ нихъ по возможности вѣрные снимки; тѣ же памятники, которые ему не удалось видѣть, воспроизведены Лепсіусомъ на основаніи печатныхъ изданій. При каждомъ памятникѣ есть указаніе, гдѣ и когда онъ найденъ, и отмѣчена его литература. Такимъ образомъ изданы Лепсіусомъ, не считая монетъ, 47 оскихъ надписей, изъ коихъ нѣкоторыя, напримѣръ: (*deve deklune statom etc.*) впоследствии отнесены къ другимъ говорамъ. Моммзенъ, положившій текстъ Лепсіуса въ основу своихъ *Oskische Studien*, хвалитъ точность его передачи, говоря, что, напримѣръ, въ *cippus Abellanus* новымъ издателемъ устранило до 250 ошибокъ. Однако, лично ознакомившись съ памятниками, онъ нѣсколько перемѣнилъ свое мнѣніе, ибо убѣдился, что снимки Лепсіуса не вездѣ безукоризненны и часто могутъ подать